

© Е.В. АВЕРЬЯНОВА

ekaterina.tioumen@gmail.com

УДК 81'1

МАНИПУЛЯЦИЯ В ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ

MANIPULATION IN THE DIRECT AND INDIRECT SPEECH

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается соотношение прямой и косвенной речи в манипуляции на материале агиографических текстов на церковнославянском и латинском языках середины XV-XVII вв. Как правило, манипуляция представлена в виде прямой речи в православном житийном дискурсе, а в католическом житийном дискурсе — как прямой, так и косвенной речью. Это свидетельствует о том, что в православном житийном дискурсе преобладает явная гетерогенность высказывания в ее маркированной форме, а в католическом житийном дискурсе — в немаркированной форме. Более того, православному житийному дискурсу присуща репрезентативная коммуникативная стратегия, а католическому житийному дискурсу — нарративная коммуникативная стратегия. Присутствие шифтеров в православном житийном дискурсе обуславливает манипулятивное воздействие на читателя, тогда как их отсутствие в католическом житийном дискурсе позволяет говорить об информировании читателя. Если православный житийный дискурс использует авторитет чужого слова, то католический житийный дискурс опирается на «внутренне убедительное слово».

SUMMARY. This article discusses the role of direct and indirect speech in manipulation in the hagiographic texts of Old Church Slavonic and Latin mid XV-XVII centuries. As a rule, the manipulation is presented in the form of direct speech in the Orthodox hagiographic discourse, while in the Catholic hagiographic discourse it is both direct and indirect speech. This suggests that the Orthodox hagiographic discourse is dominated by explicit statements of heterogeneity in its labeled form, and the Catholic hagiographic discourse — in an unmarked form. Moreover, the Orthodox hagiographic discourse is characterised by the representational communication strategy, while the Catholic hagiographic discourse — by narrative communication strategy. The presence of shifters in the Orthodox hagiographic discourse has a manipulative effect on the reader, whereas their absence in the Catholic hagiographic discourse highlights the awareness of the reader. If the Orthodox hagiographic discourse uses the authority of someone else's words, the Catholic hagiographic discourse is based on the "internally persuasive word".

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Манипуляция, прямая речь, косвенная речь.

KEY WORDS. Manipulation, direct speech, indirect speech.

Настоящая статья посвящена такой проблеме дискурсивного анализа, как манипуляция. В соответствии с концепцией Парижской семиотической школы, манипуляция понимается как фактитивное воздействие человека на человека, в отличие от операции, когда воздействие оказывается на предмет [1; 220].

А.-Ж. Греймас и Ж. Куртес выделяют такие виды манипуляции, как искушение, запугивание, провокация, обольщение, к ним мы относим также предписание и запрет. Материалом исследования послужили житийные тексты на церковнославянском и латинском языке середины XV-XVII вв. Мы рассмотрим соотношение прямой речи и косвенной в выражении манипуляции.

Как правило, манипуляция представлена прямой речью, например:

Прїиди ко мнѣ, и исцѣлю тѣ [2; 33].

Налицо искушение, то есть предложение обмена положительными ценностями. Другие виды манипуляции в православном и католическом житийном дискурсе рассмотрены нами в более ранних работах [3], [4], [5]. Общие количественные данные о манипуляции в православном и католическом дискурсе середины XV-XVII вв. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Манипуляция в православном и католическом дискурсе

Православный дискурс		Католический дискурс	
Искушение	762	Обольщение	200
Запугивание	598	Искушение	148
Обольщение	260	Запугивание	35
Предписание	102	Предписание	35
Провокация	49	Провокация	8
Запрет	24	Запрет	7
Общее количество	1795	Общее количество	433

Подавляющее преобладание манипулятивных фигур в православном житийном дискурсе по сравнению с католическим дискурсом (в 4 раза) объясняется тем фактом, что в католическом дискурсе манипуляция часто представлена косвенной речью. Мы же косвенную речь не рассматривали на том основании, что она является частью рассказа, а не живого дискурса.

Рассмотрим пример с косвенной речью:

Iacobus filius Petri de Tibaldo de Paperno dixit, quod cum passus fuisset febrem quartanam per menses quatuor cum graui dolore brachij dextri, in quo actualiter patiebatur dolorem et febrem, concepta deuotione ad dictum Sanctum, et vouens, si a Deo eius meritis curaretur, discalceatis pedibus eius visitare sepulcrum, et ad eius laudem unam Missam facere celebrari in dicto monasterio... [6; 683].

Яков, сын Петра де Тибальда из Паперна сказал, что, когда он страдал от лихорадки, повторяющейся каждые четыре дня четыре месяца, и у него очень болела правая рука, воспытал благоговением к названному Святому и дал обет, что если исцелится Богом благодаря его заслугам, пойдет босым к его могиле и закажет одну службу в его честь в названном монастыре...

Перед нами пересказанный обет, искушение.

Ж. Отье-Ревю пишет об этой оппозиции: «Прямая и косвенная речь прямо противопоставлены друг другу как способы выявления и представления чужой речи: прямая речь «опредмечивает» выделенное «строго изолированное, компактное и инертное» высказывание, а косвенная речь гибко присваивает себе чужое высказывание. Бахтин это связывает с двумя способами идеологического внушения: «авторитарное слово» и «внутренне убедительное слово» [7; 72].

Таким образом, можно сделать вывод, что в православном житийном дискурсе преобладает способ внушения с опорой на «авторитарное слово», выраженное прямой речью, а католический житийный дискурс использует «внутренне убедительное слово», передавая чужую речь с помощью косвенной.

Ж. Отье-Ревю ввела широко используемое различие между явной гетерогенностью дискурса и конститутивной гетерогенностью [7; 72]. Явная гетерогенность предполагает присутствие другого дискурса в тексте, которое можно определить. Но при этом необходимо различать немаркированные формы этой гетерогенности и маркированные (или эксплицитные) [7; 72]. Немаркированные формы определяются на основе различных текстовых признаков или благодаря культуре получателя (свободная косвенная речь, намеки, ирония, пародия...). Маркированные формы оформлены однозначно: речь может идти о прямой или косвенной речи, кавычках, комментариях, указывающих на несовпадение автора высказывания с тем, что он говорит [7; 72]. Наше исследование показывает, что для обоих исследуемых дискурсов характерна явная гетерогенность, но с некоторой разницей: в православном житийном дискурсе она имеет маркированную форму, а в католическом житийном дискурсе — немаркированную.

К.Ф. Седов исследовал формы передачи в устных спонтанных дискурсах речи другого человека [8; 152-160]. Он полагает, что прагмалингвистический аспект изучения дискурса позволяет рассмотреть высказывания, содержащего чужую речь, в качестве референтного пространства особого типа: «объектом лингвистического изображения здесь становится не реальная действительность, а текст, в котором реальность уже получила свое отражение» [8; 152]. Автор пришел к следующим выводам: в одном случае наиболее предпочтительной формой передачи чужого высказывания оказывается прямая речь, которая составляет 92,3% всех высказываний, содержащих речь действующих лиц [8; 155]. Другие дискурсы демонстрируют наибольшее разнообразие лингвистических форм передачи чужой речи [8; 156].

К.Ф. Седов пришел к выводу о существовании в рамках дискурсивной деятельности различных коммуникативных стратегий. Он выделяет две глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения: репрезентативную, или образительную, и нарративную, или аналитическую. Репрезентативная стратегия построения дискурса в своем целеполагании имеет установку на изображение в дискурсе неязыковых ситуаций [8; 35]. Нарративная стратегия отражает действительность на более высокой степени абстрагированности [8; 36]. Как полагает автор, выполнение коммуникативного задания здесь уже строится с установкой на передачу перекодированной информации об увиденном, а не на изображении ситуации языковыми средствами [8; 36].

Представляется, что обоим изучаемым дискурсам присущи обе коммуникативные стратегии, но в православном житийном дискурсе доминирует репрезентативная коммуникативная стратегия, в то время как в католическом житийном дискурсе преобладает нарративная коммуникативная стратегия.

Кроме того, мы полагаем, что использование прямой речи, содержащей шифтеры, может рассматриваться как дискурс в узком значении, включенный в повествование в рамках жития, а использование косвенной речи — как повествование. Английский термин *shifter* был заимствован Р. Якобсоном у О. Есперсена [9; 176]. Для Р. Якобсона категория шифтера соответствует

одному из четырех возможных типов отношений между кодом и сообщением: (1) сообщение, отсылающее к сообщению (косвенная речь); (2) код, отсылающий к коду (имена собственные); (3) сообщение, отсылающее к коду (шифтеры); (4) код, отсылающий к сообщению (автономия). Когда речь идет о шифтере, то сообщение отсылает к коду, «потому что общее значение шифтера не может быть определено без отсылки к сообщению» [9; 178]. Категория шифтеров включает личные местоимения первого и второго лица и соответствующие притяжательные прилагательные, большое количество указательных обозначений, наречий и адвербиальных выражений при указании на место (здесь, налево) и время (завтра, через два дня, сто лет назад), категории настоящего, прошедшего и будущего [10; 212]. Рассмотрим пример искушения в прямой речи:

Иванне Иванне, подобаетъ ти здѣ затворитиса въ пещерѣ, да невидѣнѣмъ и молчанѣмъ брань оупразднитса, и Гдѣ поможетъ ти молитвами преподобныхъ своихъ [2; 709].

Местоимение **ти**, употребленное дважды, и наречие места **здѣ** являются сообщениями, отсылающими к коду, то есть шифтерами в приведенной классификации Р. Якобсона. Употребление шифтеров создает подобие акта высказывания, по Греймасу и Куртесу [1; 128]. Принято различать автора и читателя, а если речь идет о беседе между персонажами, то их считают собеседниками [1; 80]. На том основании, что употребление шифтеров создает подобие акта высказывания, возможно предположить, что манипуляция, представленная прямой речью, осуществляет манипулятивное воздействие на читателя ввиду присутствия шифтеров, а манипуляция, представленная косвенной речью, — только информативное.

Таким образом, можно сделать вывод о доминировании в православном житийном дискурсе репрезентативной коммуникативной стратегии, тогда как в католическом житийном дискурсе преобладает нарративная коммуникативная стратегия. Наличие шифтеров в православном житийном дискурсе позволяет говорить о манипулятивном воздействии, а их отсутствие в католическом житийном дискурсе — только об информативном. Кроме того, оба дискурса характеризуются явной гетерогенностью, но она имеет в православном дискурсе маркированную форму, а в католическом — немаркированную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Greimas, A.-J., Courtés, J. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris: Hachette Supérieur, 1993. 454 p.
2. Димитрий Ростовский. Жития Святых в четырех книгах. Книга II. Киево-Печерская Лавра, 1764 // Святоотеческое наследие. Вып. 2. Святитель Димитрий Ростовский (1651-1709). СПб.: Аксион эстин, 2009.
3. Аверьянова Е. В. Архетипическая структура искушения и запугивания в древнерусском языке // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. Серия «Филология. История». С. 165-170.
4. Аверьянова Е. В. Фигура провокации в религиозном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 17-19.
5. Аверьянова Е. В. Предписание и запрет как манипулятивные категории // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. Серия «Филология». С. 60-63.
6. *Acta Sanctorum martii* [Reprod. en fac.-sim.]. T. I. Société des Bollandistes. 1668. 1016 p. URL: <http://documentacatholicaomnia.eu>.

7. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и порт. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 2002. С. 54-94.
8. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
9. Jakobson, R. Essais de linguistique générale. Paris: Minuit, 1963. 321 p.
10. Charaudeau, P., Maingueneau, D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Ed. du Seuil, 2002. 662 p.

REFERENCES

1. Greimas, A.-J., Courtés, J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. Paris: Hachette Supérieur, 1993. 454 p.
2. Dimitry Rostovsky. Lives of the Saints in four books. Book II. Kiev-Pechersk Lavra, 1764 // *Svjatootecheskoe nasledie. Vyp. 2. Svjatitel' Dimitrij Rostovskij (1651-1709)* [Patristic legacy. Series 2. Saint Demetrius of Rostov (1651-1709)]. St.-Petersburg, 2009. (in Russian).
3. Aver'janova, E.V. Archetypal structure of temptation and intimidation in the Old Russian. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2009. № 1. Series «Philology. History». Pp. 165-170. (in Russian).
4. Aver'janova, E.V. Figure provocation of the religious discourse. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011. Issue 60. № 33 (248). Pp. 17-19. (in Russian).
5. Aver'janova, E.V. Prescriptions and proscriptions as manipulative categories // *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. № 1. Series «Philology». Pp. 60-63. (in Russian).
6. Acta Sanctorum martii [Reprod. en fac.-sim.]. T. I. Société des Bollandistes. 1668. 1016 p. URL: <http://documentacatholicaomnia.eu>.
7. Autier-Revue, J. Explicit and constitutive heterogeneity: the problem of the other in the discourse // *Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa* [Area sense: French school of discourse analysis] / Transl. from French; Ed. by P. Serio. Moscow, 2002. С. 54-94.
8. Sedov, K.F. *Diskurs i lichnost': jevoljucija kommunikativnoj kompetenci* [Discourse and identity: the evolution of communicative competence]. Moscow, 2004. 320 с. (in Russian).
9. Jakobson, R. Essais de linguistique générale. Paris: Minuit, 1963. 321 p.
10. Charaudeau, P., Maingueneau, D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Ed. du Seuil, 2002. 662 p.

Автор публикации

Аверьянова Екатерина Викторовна — профессор кафедры французской филологии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент

Author of the publication

Ekaterina V. Averyanova — Cand. Philol. Sci., Associate Professor, Department of French Philology, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University